

Местом, где они остановились, оказался уютный сыхэюань — бывшее здание ведомства чинов, ныне перестроенное под покои. Пейзаж здесь ласкал взор своей безмятежностью: изящные мостики перекинулись через пруды с лотосами, а в резных окнах виднелись широкие листья банановых деревьев.

Чжуан Шаогуну отвели боковой флигель, Умину же с Уди достались комнаты в пристройке. Двери остальных покоев, расположенных по обе стороны двора, оставались плотно запертыми.

Внутри комнаты всё сияло роскошью: мебель, покрытая черным лаком с золотой росписью, выглядела по-императорски величественно. Широкие кресла из сандала с резными подлокотниками в виде химер манили своим уютом — стоило присесть, как всякое желание двигаться тут же пропадало.

Внезапно через боковую дверь хлынула дюжина слуг. Оттеснив Умина и Уди, они принялись усердно обхаживать Шаогуну: подносили чай и сласти, доставали тазы с инкрустацией перламутром, помогали умыться. За расписной ширмой с изображениями зимородков они наполнили бадью горячей водой, готовясь прислуживать господину.

Шаогун, который в пути заботился об Умине и почти позабыл, что сам является наследником знатного рода, поспешно замахал руками:

— Я сам, сам справлюсь.

— Господин — почетный гость нашего хозяина, — смиренно ответил слуга. — Будьте милостивы, позвольте нам исполнить долг. Если мы проявим небрежность, нам не сносить головы.

Уди, видя, что Шаогун надежно занят слугами, почувствовал, что у него развязаны руки. В его голове тут же созрел план какой-нибудь проказы, и он передал брату мысленный посыл:

"Молодой господин вряд ли утонет в лохани. Брат, от тебя уже разит за версту, пора бы и нам отдохнуть да наведаться в общие бани".

Он надеялся спровадить Умина, но у того были свои соображения.

"Хорошо, — отозвался Умин, поднимаясь. — Редко от тебя дождешься дельного предложения. Идем".

Это краткое «идем» не оставляло Уди выбора — им предстояло отправиться вдвоем, под неусыпным надзором друг друга. Обменявшись подозрительными взглядами, они откланялись Шаогуну и вышли.

Сам Шаогун, которому было неловко постоянно держать Умина при себе, безропотно смотрел

им вслед. Погрузившись в горячую воду, он закрыл глаза.

События и образы долгого пути вихрем закружились в его сознании, оставляя горько-сладкий осадок. Десять лет он провел, зарывшись в ученые свитки, и никогда не находил это занятие томительным. Отчего же теперь на душе так тяжело?

Если бы он не встретил Умина, то в положенный срок просто женился бы. Жил бы в согласии с супругой, почитал родителей и растил детей — тихая, ясная жизнь.

Но судьба распорядилась иначе. Умин вошел в его сердце — кашляющий на каждом шагу, с вечно ускользающей тенью и тихой, осторожной поступью. Шаогун вспомнил, как тот заслонил его собой: бледный лоб в испарине, на губах — кровавый след, а в голосе — мольба: «Коль суждено мне сегодня сгинуть здесь, прошу лишь об одном — отпустите молодого господина Чжуана».

Пленил ли этот юноша, так не желавший быть человеком, его сердце хоть на миг?

"Если да, то он не замер бы в покорном ожидании смерти после моего крика «Стой!». А если нет... тогда всё это лишь жестокая комедия, разыгранная в сговоре с Трупным злом".

"Да, нет, да..." — он словно обрывал лепестки невидимого цветка.

Шаогун накрыл лицо мокрым полотенцем. Тоска по Умину, с которым он расстался лишь мгновение назад, грызла его изнутри.

«В письме — как наяву, Цзян Сяофэн». Цзян Сяофэн. Имя так и просилось на язык. В глубинах затерянной памяти, в хаосе путаных снов брезжил образ: чья-то ладонь накрывает его руку, направляя кисть, черта за чертой... Но что было дальше — вспомнить не удавалось.

— Жизнь — лишь краткий весенний сон, людские чувства — как осенние облака. К чему терзать себя заботами, ведь всё в руках судьбы...

Чей-то чистый, звучный голос нараспев читал строки на мелодию «Сицзян юэ». Пение, доносившееся из двора, было исполнено такой легкости и мудрости, что мгновенно развеяло туман тяжких дум Шаогуна.

Придя в себя, Шаогун облачился в чистые одежды, поднесенные слугой, и вышел на крыльцо.

Там, за каменным столом, бесцеремонно расположился тот самый молодой господин в парче, что днем предлагал купить его меч на рыночной площади. Перед ним стояло несколько изысканных закусок; он неспешно пил, смакуя вино и поэзию.

Вечерний бриз рябил гладь пруда, заставляя лотосы склоняться в причудливом танце. Незнакомец поднял кубок, глядя на цветы, словно подбирая слова для следующей строфы:

— Коль встретил доброе вино — испей три чаши, коль расцвел цветок — любуйся им. Сейчас смеемся мы в кругу друзей, а завтра... кто знает, что сулит нам небо?

Слова были до того созвучны настроению Шаогуна, что он, не желая прерывать песню, нестройно подхватил финал.

Парчовый господин обернулся. В его глазах, глубоких, как осенние воды, на миг отразилось изумление, которое тут же сменилось радушной улыбкой:

— Похоже, и вам по душе «Сицзян юэ». Раз уж судьба свела нас здесь, отчего бы не последовать совету поэта и не разделить этот миг веселья?

Они уселись друг против друга, пустившись в непринужденную беседу о делах поднебесных, и вскоре разговор зашел о причинах их пребывания здесь.

Воистину, мир тесен: оба они были отпрысками знатных родов и оба приехали ради одной и той же девы, поселившись в одном дворе, пусть и в разных покоях.

Шаогуна нахмурился, и кубок застыл у его губ. Незнакомец, внимательно следя за его лицом, как бы невзначай спросил:

— Что-то не так?

— Эх... Если бы я мог быть столь же беззаботным, как вы, почтенный брат.

Парчовый господин усмехнулся и чуть отвернул раскрасневшееся от вина лицо:

— Таких, как я, в подлунном мире сыщется немного. Но и таких честных людей, как вы, — тоже поискать.

— Вы мне льстите, — смущенно отозвался Шаогуна. Почувствовав в собеседнике родственную душу, он решил облегчить сердце. — По правде говоря, мне совестно. Мои помыслы уже заняты другим человеком, и мне вовсе не следовало являться в Цзиньлин на это состязание за руку и сердце.

— И кто же это? — Парчовый господин взял палочки и принялся неспешно ковыряться в тарелке, напуская на себя безразличный вид.

Шаогун махнул рукой, окончательно сдаваясь:

— Неважно. Суть в том, что я... предпочитаю мужчин. И я не стану оспаривать у вас Е Яньлань.

Лицо незнакомца в мгновение ока переменилось. Куда делась вся его напускная скука — он во все глаза уставился на Шаогуну. Тот, собрав остатки мужества, решился спросить:

— Вы, должно быть, презираете меня?

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем парчовый господин пришел в себя. Он внезапно с такой силой грохнул кулаком по столу, что посуда подпрыгнула:

— Презираю?! Ха-ха-ха!

Он клялся, что не питает презрения, но при этом хохотал так, что едва не свалился со стула. От безудержного смеха рукав его смахнул палочки на землю. Вся изысканность вечера под луной мгновенно испарилась в этом громовом, беспардонном хохоте.

Шаогун вспыхнул от стыда, а затем гнев захлестнул его — он уже собирался встать и уйти, хлопнув дверью.

Но парчовый господин крепко схватил его за руку, продолжая трястись от смеха:

— Пойдите! Прошу вас, не обижайтесь! Я смеюсь не над вашей глупостью, а над собственной слепотой! Клянусь небом! Ха-ха-ха... Кто бы мог подумать, что всё обернется именно так! Это же просто умора!

Шаогун, всё еще сомневаясь, неохотно вернулся на место. Он никак не мог взять в толк — что же тут смешного?

— Послушайте меня, и вы всё поймете, — сказал парчовый господин, не выпуская его руки. — Мой отец в молодости был грозой негодяев, а разбогатев, частенько открывал свои амбары, чтобы накормить бедняков. Он был не только благороден и богат, но и статен собой. Не сосчитать, сколько дев мечтали выйти за него! Даже глава Врат Богини была в их числе. Но отец мой — человек верный, он никогда не зарился на полевые цветы.

Шаогун слушал этот сумбурный и беззастенчивый панегирик чужому отцу с растущим недоумением.

— В этом нет ничего удивительного, — возразил он, задетый за живое. — Мой отец тоже уважаем, он любит матушку уже двадцать лет, и чувства их так же свежи, как в день свадьбы. Он с детства растил меня в строгости и добродетели. А матушка моя — образец образованности

и такта: она и домом правит, и сердца людей к себе располагает.

— Ваша матушка — чудесная женщина, — взгляд парчового господина на миг потускнел. — А я свою никогда не видел, она ушла слишком рано.

Шаогун мысленно обругал себя за длинный язык — надо же было так неловко задеть чужую рану! Он поспешил извиниться, подумав про себя: «Если сердца разделила сама смерть, а отец этого господина всё еще хранит верность... Что ж, пожалуй, в преданности он превзошел моего батюшку».

Собеседник, словно прочитав его мысли, покачал головой:

— Мой отец любил вовсе не мою мать. Всю свою жизнь он был предан лишь одному человеку. И человек этот — мужчина. Говоря вашими словами, мой отец... тоже предпочитал «обрезанный рукав».

Шаогун онемел. В его воображении тут же возникли два дюжих бородатых мужика с горой мышц, которые чинно укладываются в постель, и один сурово цедит: «Прошу, покажите ваше мастерство», а второй, оглашая окрестности молодецким хохотом, вопит: «Принимай подачу!».

Сам он хоть и признал свои наклонности, но никогда не заходил так далеко, а потому о подробностях даже не задумывался. Его прошиб холодный пот.

— Поначалу я ненавидел этого человека, — продолжал парчовый господин. — Думал, он одурманил отца и погубил его доброе имя. Многие в открытую называли его «мужским наложником». Мне было тошно жить с ним под одной крышей. Но однажды... моё мнение изменилось. В тот год враги оклеветали отца и втянули его в распрю с Союзом Горных Пиков. Негодяи похитили меня, чтобы давить на него. Отец, опасаясь за мою жизнь, сдался без боя, позволив врагам измываться над собой. Его верные слуги были в отчаянии — и отец, и я были в руках Союза, а те требовали невозможного. И вот тогда этот «праздный любовник», узнав о беде, в одиночку явился в самое логово Союза Горных Пиков, чтобы вызволить нас...

Шаогун невольно заслушался:

— Но разве он не боялся, что злодеи, зажатые в угол, убьют его возлюбленного?

— О, он не ведал страха, ибо у него был план. Он заявил, что это он — истинный виновник раздора между отцом и Союзом, и что он привел с собой несметное войско с пушками, чтобы разнести всё в щепки, пока обе стороны истощают друг друга. В Союзе Горных Пиков сидели не дураки, они не поверили ему на слово. Тогда он одной ладонью в щепки сокрушил опорный столб главного зала, едва не обрушив всё здание. Сила его внутренней энергии была такова, что один присутствующий там почтенный монах едва не отошел в мир иной от ужаса. И в тот же миг порох и сера, которые он заранее развесил в колодцах и выгребных ямах, взорвались с чудовищным грохотом. В Союзе Горных Пиков начался сущий хаос.

Шаогун был потрясен. Этот человек виртуозно играл на чувствах врагов: сначала он отгородил себя от семьи пленников, лишив негодяев рычага давления, затем продемонстрировал сокрушительную мощь, а в довершение создал иллюзию целой армии при помощи простых петард.

— Противостоять ему было некому, — воодушевленно продолжал незнакомец. — Союзу пришлось выпустить отца, надеясь, что тот поможет им схватить смутьяна в обмен на мою свободу. Но кто же знал, что отец и он в разгар схватки внезапно объединятся и возьмут в заложники самого главу Союза Горных Пиков! А грохот «орудий» за стенами окончательно убедил врагов, что дело проиграно. Им ничего не оставалось, кроме как отпустить меня.

Парчовый господин приложился к чаше, выжидая реакции.

— Невероятно... — искренне выдохнул Шаогун.

— Думаете, на этом всё? — Незнакомец выдержал паузу. — Вызволив нас, он не сбежал. Напротив, он по-дружески приобнял главу Союза и заявил, что всё произошедшее — лишь хитроумный план, который они вдвоем замыслили заранее.

— Но зачем?!

— О, об этом спросили все присутствующие. Даже глава Союза Горных Пиков оторопел, а мой отец, который, казалось, знал своего друга как облупленного, и тот поверил. Тот человек объяснил: он взял на себя вину в раздоре лишь для того, чтобы выманить истинного предателя, затаившегося в рядах Союза. Он убедил всех, что глава Союза давно подозревал изменника, и их «спектакль» был лишь способом вывести крысу на чистую воду. Он привел столько убедительных «доказательств», якобы найденных самим главой Союза, что настоящий предатель дрогнул и выдал себя. В итоге глава Союза Горных Пиков лично схватил злодея, а наши семьи заключили вечный мир.

Выслушав историю до конца, Шаогун преисполнился глубокого почтения к избраннику того человека. Тот не просто обладал недюжинной силой, но и был наделен пронизательным умом и тактом. Он не стал кичиться своей победой, а мгновенно вернул лицо главе Союза Горных Пиков, обеспечив семье своего возлюбленного покой на долгие годы.

— Как же такой человек мог довольствоваться участью «наложника»?

— Эх, вы так ничего и не поняли! — с притворным укором воскликнул парчовый господин. — Он не был наложником. Они просто любили друг друга, и им было плевать, что болтают досужие языки. Когда сердца двоих связаны неразрывно, разве важны жизнь и смерть, а уж тем более — пустая слава? Тот, кто обладает истинным талантом, не боится чужих косых взглядов. Взаимная привязанность, нежность к тому, кто рядом, и тихая совместная жизнь — вот что по-настоящему важно.

Шаогун замер, осознав истинный смысл рассказа. Парчовый господин поведал это лишь для того, чтобы подбодрить его: в мужской любви нет ничего постыдного.

Однако в сердце Шагуна закралось новое сомнение: он и Умин — вовсе не то же самое, что те двое. Он был бесконечно далек от того мудрого и отважного героя, и мог ли он надеяться на взаимность?

<http://bllate.org/book/17481/1695855>